

ТЕАТР

5

СПЕКТАКЛИ НОВОГО СЕЗОНА

ТЕАТРАЛЬНЫЙ сезон открылся сравнительно недавно, а с афиш уже кричат аршинными буквами названия новых постановок: «Вайделоте», «Иеста Берлинг», «Тайфун», «В новогоднюю ночь», «Новый костюм», «Медвежья шкура»...

Названий много! Некоторые из них звучат многообещающе. Даже из краткого перечня спектаклей видно, что наши театры стремятся разнообразить репертуар, совмещая зарубежные пьесы, классику и современность.

Разнообразие — одно из непреходящих условий развития искусства. И можно только радоваться, что в репертуарных планах этого года нашлось место для давно не шедшей трагедии Аспазии, для инсценировки известного романа шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, для психологических драм выдающегося китайского драматурга Цао Юй и эстонца А. Лийвеса, для новых произведений советских авторов.

По самой своей природе советский театр чужд национальной ограниченности. В сфере его интересов — все проявления духовной жизни других народов. Он — законный наследник лучших достижений мировой культуры. Естественна поэтому тяга наших театров к непрерывному обогащению репертуара за счет произведений, незаслуженно забытых или попросту не известных зрителям, к открытию новых талантов и имен.

Стало, в частности, хорошей традицией знакомить зрителей с лучшими произведениями драматургов братских республик. В разные годы на сценах Латвии были поставлены пьесы украинцев Корнейчука и Галана, белорусы Кондрата Крапыны, узбека Каххара, эстонца Августа Якобсона.

В ЭТОМ сезоне Академический театр драмы показал новую пьесу эстонского драматурга Лийвеса «В новогоднюю ночь».

Эта психологическая драма с интересно намеченным конфликтом, вынужденными ситуациями и сравнительно глубоким анализом человеческих переживаний и чувств осуждает черствое равнодушие к людям. Симпатии автора на стороне скромной бедноты. Махты, не побоявшейся выступить против карьериста Эриха Метуса и грубого себялюбца Эриста Хуньта ради спасения опустившегося, пережившего тяжелую личную драму Альберта Лооде. Изображая душевную чистоту и самоотверженность этой женщины, автор стремится подчеркнуть активную роль личности в защите высоких принципов нашего социалистического общества.

К сожалению, интересный замысел пьесы в художественном отношении полностью не реализован из-за несколько расплывчатых идейных установок автора и незавершенности центральных образов.

Социалистический гуманизм не имеет ничего общего с христианским всепрощением. Желая возбудить сочувствие к Альберту Лооде, автор должен был подробно рассказать — что это за человек, каковы его моральные принципы, убеждения, взгляды. Но как раз этого, самого главно-

го, в пьесе нет. Сосредоточив внимание на личной драме Лооде, драматург обеднил его характер. Получается, что Махта защищает пикетного человека, жалкого пьяницу. От этого конфликт пьесы сильно проигрывает. Гораздо богаче по содержанию, активнее образ самой Махты, чей внутренний мир и образ мыслей раскрывается в отношениях с окружающими, в настойчивом стремлении выручить из беды безвольного Альберта. Но в этом образе мало черт, свойственных советской женщине. Странно, что Махта так долго терпит издевательства Эриста Хуньта, не имеет товарищей, подруг.

Постановщик А. Амтман-Бриедит многое сделал, чтобы передать на сцене ведущую мысль пьесы, ее настроение, атмосферу, но восполнить недосказанное автором, углубить характеры ведущих героев ему не удалось. Несмотря на яркую местами игру Л. Фреймане в роли Махты и удачные моменты в исполнении Ж. Катлапа — Лооде, несмотря на меткие, сатирически заостренные образы Метуса (Г. Цилинский) и Эриста Хуньта (Э. Бессер), большая проблема, затронутая автором, получила в спектакле лишь частичное освещение.

ЗАМЕТНЫМ событием театрального сезона надо признать спектакль «Иеста Берлинг», приуроченный Художественным театром Латвийской ССР к 100-летию со дня рождения Сельмы Лагерлёф.

Наша молодежь плохо знает творчество этой выдающейся шведской писательницы. А между тем ее вклад в мировую литературу огромен. По выдающемуся таланту, по исключительной продуктивности своего творчества шведская романистка едва ли уступает таким титанам человеческого духа, как Ибсен, Стриндберг.

Несмотря на сложное философское содержание и некоторый залет мистицизма, роман Сельмы Лагерлёф «Иеста Берлинг» воспринимается со сцены как произведение, во многом созвучное прогрессивным идеям нашего века. Дело не только в критике учения церкви, против которого восстает взбунтовавшийся священник Иеста Берлинг, не только в осуждении живой религиозной морали, прикрывающей земные грехи богатей и священнослужителей, и тем более не в призыве к самоотречению, с которым писательница обращается к сильным мира сего в надежде облегчить тяжелую участь бедных. Все это само по себе изрядно устарело. Непреходящую молодость сохранило лишь неукротимое, полное мятежных порывов и страстной любви к людям сердце писательницы, ее мечта о торжестве правды и добра, о цельных мужественных людях. Сила этого произведения в его народности, в сочетании богатого воображения писательницы и сказочных, фантастических образов, заимствованных ею в богатых легендами и поверьями шведских саг.

В инсценировке романа «Иеста Берлинг» Художественный театр под-

На снимке: сцена из спектакля «Тайфун».

Фото Я. ЛЕРХА

черкнул сильные стороны творчества Сельмы Лагерлёф, показав спектакль, проникнутый духом борьбы, насыщенный глубокой мыслью, поэзией и романтикой. Автор инсценировки Валдис Гревинш сохранил дух произведения, особенности его стиля и вместе с тем сумел сконцентрировать драматическое действие. С большим размахом и шедшей театральной выдумкой поставил спектакль народный артист СССР Э. Смильгис, нашедший талантливых исполнителей своего замысла в лице художника О. Муйжньека и композитора В. Сосаара, И. Калныня, чью работу над оформлением спектакля надо признать весьма удачной. Волнующий образ несчастной помещанной майорши из Эссбо создала народная артистка СССР Лидия Берзинь. Надолго запомнится трагически раздвоенная фигура авантюриста, пьяницы, мыслителя и поэта Иеста Берлинга (Гарри Лиенинь), тлетно питающегося вырваться из пут враждебного ему мира. Интересны и другие образы.

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ оценки заслуживает также одна из последних работ Русского драматического театра — спектакль «Тайфун».

Может быть, кое-кому из зрителей покажется несколько непривычным манера, в которой написана пьеса китайского драматурга Цао Юй, в особенности свойственное ей нагромождение ужасов. Дело в том, что здесь использованы некоторые традиции китайского национального театра в сочетании с приемами современной драматургии. Это делает спектакль несколько сложным для восприятия. К тому же мировоззрение автора пьесы кажется иногда архаичным. Так, например, Цао Юй развивает характерную для феодального Китая идею фатума, рока, довлеющего над судьбами героев.

(Окончание на 4-й стр.)